

© 2011 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ВАЛЕНТНОСТИ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО*

Статья посвящена субъективности в языке, а именно, словам с подразумеваемым говорящим. Эти слова имеют эгоцентрическую валентность, т. е. валентность, которая в канонической коммуникативной ситуации заполняется, по смыслу – говорящим, а по форме – нулем. Прослеживаются основные семантические роли, которые может выполнять говорящий в толкованиях слов: наблюдатель, субъект сознания, субъект речи, субъект дейксиса. Формулируются общие правила, которые позволяют находить исполнителя роли подразумеваемого говорящего в неканонических контекстах (гипотаксическом, нарративном) и в контексте вопроса.

Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак!

О. Мандельштам

1. СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Как пишет Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 295], «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком». В чем же состоит это особое устройство языка, имеющее следствием столь широко развитую субъективность, иначе – эгоцентричность? Бенвенист отвечает: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда он обозначает себя как говорящий, как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296].

Согласно общепринятым представлениям, говорящий – это то лицо, которое делает в данный момент в данном месте данное высказывание, адресованное другому лицу, предположительно находящемуся в том же месте и в зоне видимости. В такой функции говорящий проявляет себя, например, в семантике дейксиса, который позволяет идентифицировать лица, объекты, места, отрезки времени и т. д. через их отношение к речевому действию говорящего – индивидуальному, одновременному событию. Так, *здесь* – это ‘в том месте, где говорящий произнес высказывание с этим вхождением слова *здесь*’; *сейчас* – это ‘в тот момент, когда говорящий произнес, а адресат услышал высказывание с этим вхождением слова *сейчас*’. Семантика вопроса и побуждения тоже требует наличия не только говорящего, но и адресата. Адресата речи предполагают также обращения и некоторые вводные слова (*конечно, пожалуйста*). Бенвенист особо упоминает средства оstenсивного указания (типа *это*) – слова, которые предполагают одновременно с их произнесением указание на предмет жестом. Вся совокупность своих возможных функций говорящий может выполнять только в канонической коммуникативной ситуации (см. [Lyons 1977: 637; Падучева 1996: 259–261]), когда говорящему обеспечен синхронный адресат, находящийся в том же месте и в зоне видимости.

Термин «говорящий» может использоваться и по-другому – говорящий может входить в толкование слов или грамматических категорий, см., например, Новый объясни-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-04-00256а.

тельный словарь синонимов русского языка [НОСС]. Тогда имеется в виду не конкретное, а обобщенное лицо, которое, во-первых, охарактеризовано своим участием в акте речи (как говорящий), а во-вторых, играет определенную роль в ситуации, описываемой данным словом, – что-то думает, видит, говорит и т. д.

Речь будет идти о подразумеваемом (имплицитном) говорящем – как он представлен, например, в семантике вводного слова (*Иван едва ли придет* = ‘говорящий сомневается в возможности прихода Ивана’) или сослагательного наклонения (*Была бы сейчас весна!* = ‘говорящий хочет, чтобы сейчас была весна’). Для этого аспекта языка бенвенистовский образ апроприации языка говорящим можно понимать так. В языке имеется большое количество слов с эгоцентрической валентностью – это валентность, которую в канонической ситуации заполняет, в семантическом смысле, говорящий, а на синтаксическом уровне ей соответствует эгоцентрический нулевой знак. Такова валентность на субъекта мнения у *едва ли* в примере, приведенном выше. Слова с эгоцентрической валентностью сами могут быть названы эгоцентрическими.

Скажем иначе. Есть слова, семантика которых предполагает некоторого участника, причем такого, что если этот участник синтаксически не выражен, то в канонической коммуникативной ситуации это будет, скорее всего, говорящий. **Предстоит очертить круг слов, подразумевающих говорящего, и выяснить, как может быть выражен говорящий в неканонических коммуникативных ситуациях.**

Главный пример неканонической коммуникативной ситуации, с которой приходится иметь дело лингвисту, – это нарратив. Будем считать, что в речевом (диалогическом) дискурсе у каждого отдельного высказывания есть говорящий. Это константа, которая подставляется в толкования всех эгоцентрических слов и категорий этого предложения, и контекст, который требуется для их интерпретации. Т. е. в принципе, речевой дискурс – это каноническая ситуация. Между тем нарратив не предполагает канонической коммуникативной ситуации. Условия интерпретации нарративного текста не включают говорящего, который выполнял бы все те функции, которые есть у говорящего в речевом дискурсе: нет места, в котором можно было бы локализовать говорящего, нет синхронного слушающего, который мог бы идентифицировать время речи или увидеть указательный жест и т. д. Часть функций говорящего выполняет в нарративе персонаж, часть – повествователь, а часть остается в традиционном нарративе невыразимой, см. [Падучева 1996: 259–284]. В [Fillmore 1975: 50], в связи с описанием семантики английского глагола *to come* говорится, что в нарративе 3-го лица говорящего заменяет главный персонаж соответствующего эпизода повествования. Но заменяет лишь в каких-то отношениях. Как мы увидим, говорящий в повествовании от 1-го лица тоже неполноценный.

Другой вид неканонической коммуникативной ситуации возникает в гипотаксисе: клауза в синтаксически подчиненной позиции, будь то даже речевой дискурс, в отличие от целого высказывания, обычно (хотя и не всегда) не имеет своего говорящего, см. примеры ниже.

Эти два типа неканонических ситуаций надо иметь в виду, когда речь идет о применении толкования эгоцентрического слова в словаре к его реальному употреблению в тексте.

Стоит оговорить соотношение между терминами «эгоцентрический» и «дейктический». В классической работе Р. Якобсона [Jakobson 1957/1972] были объединены (под именем шифтеров) две сферы субъективного в грамматике – дейксис и модальность. Третья сфера субъективного, оценка, в слабой степени грамматикализована (впрочем, оценку часто относят к сфере модальности, см. [Плунгян 2000]). Я использую термин «эгоцентриа» для обобщающего обозначения всех видов субъективности в языке.

Итак, переходим к словам с имплицитным говорящим и к эгоцентрическим валентностям. Различаются четыре основные роли, которые может играть говорящий в семантике слов, категорий и конструкций: это роль субъекта восприятия, субъекта сознания, субъекта речи и субъекта (или ориентира) дейксиса.

2. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

Рассмотрим пример из [Апресян 1986/1995] в несколько иной интерпретации. Фраза (2.1) с глаголом *показаться* описывает ситуацию, в которой кроме дороги и всадника присутствует некое синтаксически не выраженное лицо – наблюдатель события:

(2.1) На дороге *показался* всадник.

Естественно предположить, что это лицо – подразумеваемый говорящий, так что (2.1) значит ‘всадник показался в моем поле зрения’. И это предположение подтверждается аномальностью фразы (2.2):

(2.2) *На дороге *показался* я.

В самом деле, человек не может оказаться вдруг в поле зрения самого себя, притом на расстоянии от самого себя; отсюда аномалия.

Аномалия возникает, однако, только в речевом контексте и в независимом предложении, т. е. в канонической коммуникативной ситуации. А если взять нарратив или гипотаксис, то подлежащее 1 лица при *показаться* (обозначающее объект восприятия) будет абсолютно нормальным, поскольку субъектом восприятия будет не говорящий, а другое лицо:

(2.3) а. Иван шел к морю. В какой-то момент на дороге *показался* я.
б. Иван видел, что в какой-то момент на дороге *показался* я.

На этом основании принято считать, что в значение слова *показаться* входит не говорящий, а другой участник – наблюдатель, см. [Апресян 1986 /1995]. В канонической коммуникативной ситуации, которую мы предположили для (2.1), роль наблюдателя выполняет говорящий. А в нарративе или при гипотаксисе наблюдателем может быть другое лицо. Пример, который, как и многие другие в этой работе, взят из [НКРЯ]:

(2.4) Фон Корен уже помирился с мыслью, что ему сегодня не уехать, и сел играть с Самойленком в шахматы; но когда стемнело, денщик доложил, что на море *показались* огни и что видели ракету (А. Чехов. Дуэль (1891)).

Ясно, что огни *показались* именно в поле зрения денщика, потому что про ракеты, которые он сам не видел, он говорит иначе. Так что в (2.4) валентность на наблюдателя у *показаться* заполняет не действительный нулевой знак, а субъект матричного предложения. Это общее правило; исключения всегда имеют частные объяснения. Например, в (2.5) роль наблюдателя не может выполнять матричный субъект, поскольку из контекста следует, что он не видел корабля:

(2.5) Иван понял, что справа *показался* корабль, потому что все бросились к правому борту.

В нарративе роль наблюдателя переходит к персонажу, так или иначе выделенному в эпизоде; в (2.6) такой персонаж – Нинка:

(2.6) Тут Нинка отскочила к забору, потому что на дороге *показалась* Красавка, которая галопом неслась по деревне, а за ней, не отставая, бежала маленькая собачонка и отчаянно тявкала (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)).

Можно было бы подумать, что наблюдатель – это просто говорящий в роли наблюдателя, т. е. что наблюдателем является НЕ говорящий только тогда, когда контекст не подразумевает говорящего, так что в любом случае наблюдатель и говорящий – одно и то же лицо. В самом деле, рассмотрим пример:

(2.7) Фон Корен уже помирился с мыслью, что ему сегодня не уехать, и сел играть с Самойленком в шахматы. На море *показались* огни.

Фрагмент *На море показались огни* неоднозначен. Если это повествование от 1 лица, то в контексте есть говорящий, и он является подразумеваемым субъектом восприятия для *показались*. Если же это нарратив 3 лица, то говорящего замещает главный персонаж эпизода – очевидно, фон Корен. Он выполняет и роль наблюдателя.

Однако эту гипотезу следует отвергнуть. См. пример (2.8); в нем есть говорящий, т. е. повествование идет от 1 лица, но наблюдатель для *показаться* не он, а главные персонажи эпизода¹:

(2.8) Меня дома не было. Ваня и Таня сидели на кухне. Вдруг в окне *показался* человек.

Итак, в неканонической ситуации неверно, что говорящий и наблюдатель – всегда одно и то же лицо, это показывает пример (2.8). Однако для канонической ситуации наблюдатель при *показаться* – это говорящий в роли субъекта восприятия, так что *показаться* – глагол с эгоцентрической валентностью.

Большая группа глаголов с эгоцентрической валентностью на субъекта восприятия – это глаголы типа *белеть, чернеть* [Апресян 1986/1995]. Другие примеры: *возникнуть, оказаться, появиться, исчезнуть, пропасть; проступить, выступать, выглядывать, высовываться, проглядывать, проскользнуть, промелькнуть, мелькать; пахнуть, вонять, звучать, раздаться, доноситься* (Звучит колокол, и *доносится* пение из собора. [НКРЯ]); *светиться, блестеть, мерцать; развернуться, раскинуться, расстилаться* [Падучева 2004: 210–214]. Ср. также *маячить* (перевод англ. *to lurk*, описанного Филлмором), *торчать, виситься; послушаться* [Успенский 1970/2000: 103]; *реять, развеиваться* [Булыгина 1982: 29].

Есть также глаголы (открытые Ю.Д. Апресяном, см. [Апресян 1980; 1986]), которые в определенном контексте предполагают перемещающегося наблюдателя: *кончаться* (*Тропинка кончалась у реки*), *начинаться, подниматься, спускаться, поворачивать* (*После моста дорога поворачивала направо*) и многие другие. Вначале наблюдатель усматривался у таких глаголов только в сов. виде. Примеры, где наблюдатель заведомо присутствует у глагола в несов. виде, приводятся в [Мещерякова 2005]:

(2.9) Мы поднялись на гору и вышли наконец на дорогу; круто обогнув крестьянские овсы, она мимо березовой рощи *спускалась* вниз к большому лугу (В. Вересаев).

В таких употреблениях глагол, несмотря на то, что его подлежащее обозначает неподвижный предмет, сохраняет идею направления (*подниматься* – вверх, *спускаться* – вниз и т. д.). Направление для неподвижных и не ориентированных предметов определяется движением, а двигаться в этой ситуации может только наблюдатель.

У многих глаголов валентность на наблюдателя возникает в производных диатезах: *выделиться, выискаться, выразиться, выявиться, задеваться, запропасться, запечатлеться, заслониться, затеряться, изобразиться, найтись, обнажиться, обнаружиться, обозначиться, отобразиться, потеряться, проясниться, разыскаться, скрыться, утаиться; проглядываться, просматриваться, различаться, смотреться, улавливаться, усматриваться; ощущаться* (Во рту, от недоспанного сна, *ощутился* привкус свинцовой горечи (Б. Пильняк. Третья столица (1922)), *почувствоваться, чувствоваться*).

Характерный глагол с валентностью на наблюдателя – *оказаться* <где-то>. В (2.10а) событие состоит в том, что некоторая «вещь» переместилась. Между тем в (2.10б) событие чисто перцептивное – «вещь» стала в некоторый момент находиться в поле зрения наблюдателя, ничего больше не произошло:

¹ Примеры этого типа были предложены Барбарой Парти в ходе дискуссии о проблемах первичного и вторичного дейксиса, за которую я пользуюсь случаем ее поблагодарить.

(2.10) а. Пока мы с ним возились, волна сдернула шнур, и вся снасть *оказалась* в море (Ф. Искандер. Мальчик-рыболов (1980–1990)).

б. Архитектурный институт *оказался* в Ташкенте совсем рядом с нашим домом (И. Архипова. Музыка жизни (1996)).

Как отмечено в [Булыгина, Шмелев 1997], слово с имплицитным говорящим может быть не равно по значению тому же слову с явно выраженным участником 1 лица. Так, подразумеваемым субъектом неуверенного знания, которое выражается словом *кажется*, по умолчанию является говорящий. Однако эксплицитный субъект 1 лица меняет семантику вводного слова. Фраза *Кажется, фильм хороший* может быть произнесена в ситуации передачи информации, полученной от других лиц, или когда фильм недосмотрен до конца; а фраза *Мне кажется, фильм хороший* свидетельствует о неуверенности субъекта в собственной оценке.

То же касается слова *послышалось*. При подразумеваемом субъекте глагол понимается как восприятие говорящего: *послышался стук колес* = ‘мне послышался’. Выраженный субъект 1-го лица меняет значение глагола; *мне послышалось, что* обозначает неуверенное восприятие:

(2.11) Мне *послышалось*, что вы сказали что-то по-итальянски (Тэффи. Забытый путь (1910)).

Важные семантические противопоставления, которые порождаются различием между эксплицитным и имплицитным говорящим, отмечены в [Stephenson 2007].

Из рассмотренных примеров видно, почему слово с эгоцентрической валентностью может употребляться, не меняя значения, в нарративе и в гипотаксисе, где, по нашему предположению, нет говорящего. Дело в том, что не все эгоцентрические слова требуют говорящего во всей полноте его функций. Глагол *показаться*, например, предполагает всего лишь лицо в роли субъекта восприятия и не требует обязательно канонической коммуникативной ситуации. Поэтому *показаться* употребляется и в нарративе, где роль наблюдателя может выполнять персонаж. Значение *показаться* в речевом дискурсе и в нарративе одно и то же.

Как правило, если слово может употребляться, не меняя значения, в гипотаксическом контексте, то оно может употребляться и в нарративном и интерпретироваться через персонажа. В дальнейшем мы будем для простоты ограничиваться проверкой на гипотаксическое употребление, чтобы убедиться в возможности нарративного. (В разделах 5 и 7 отмечаются, однако, возможные расхождения.)

Обратное неверно: есть слова, которые употребляются только в нарративе (такие как *назавтра, впоследствии, спустя*), а в гипотаксическом контексте неуместны.

Итак, первый пример эгоцентрической валентности – валентность на наблюдателя.

3. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ

Помимо роли субъекта восприятия, говорящий может исполнять в концепте ситуации роль не выраженного эксплицитно субъекта сознания. Например, мы можем, вслед за Г. Фреге [Фреге 1977], приблизительно истолковать глагол *вообразать*, в одном из значений, так:

Х воображает, что Р = ‘Х считает, что имеет место некое желательное для него Р, а говорящий не считает, что Р имеет место’.

Это толкование приписывает ситуации участника в роли субъекта противоположного мнения, который синтаксически невыразим, а семантически эту роль исполняет, в канонической коммуникативной ситуации, говорящий:

(3.1) Ее муж *воображает* себя гением [= ‘ее муж считает себя гением; говорящий не считает, что это так’].

Однако так же, как в случае с *показаться*, в гипотаксическом контексте исполнителем роли субъекта сознания будет другое лицо:

(3.2) Мария знает, что ее муж *воображает* себя гением.

Здесь уже не говорящий сомневается в гениальности мужа Марии, а сама Мария. Полная аналогия с *показаться*, только эгоцентрический участник имеет роль субъекта сознания, а не восприятия.

Хотя восприятие – это, скорее всего, один из актов сознания, наблюдатель (субъект восприятия) и субъект сознания – это существенно разные роли.

Во-первых, только наблюдатель дает аномалию при подлежащем Я, как в примере (2.2) (т. е. при совпадении субъекта и объекта наблюдения). В самом деле, наблюдатель – это в е ш н и й наблюдатель, и именно в этом источник аномалии в (2.2), см. [Падучева 1985/2009: 141, 142]. А субъект сознания вполне может иметь объектом самого себя, как в примере (3.1).

Во-вторых, у наблюдателя как субъекта восприятия предполагается какое-то место в пространстве ситуации (см. о связи восприятия с местом в [Wierzbicka 1980: 107]), тогда как субъект сознания может быть никак не локализован. Именно нахождение в определенном месте делает то или иное лицо потенциальным наблюдателем происходящего там события, см. примеры (2.8) и (2.10б).

В-третьих, субъект сознания может быть обобщенным, тогда как наблюдатель, в принципе, должен актуально присутствовать в том месте, откуда можно наблюдать происходящее. Ср., впрочем, глагол *выглядеть* с возможным обобщенным наблюдателем.

Наблюдателя иногда включают в толкование таких слов, которые на самом деле предполагают субъект сознания. См., например, синонимический ряд <*неожиданно, вдруг* и др.> [Левонтина 2004]. Ему дается толкование:

‘имеет место Р; говорящий или наблюдатель не ожидал, что будет Р или что Р произойдет именно в данный момент’.

В другом месте говорится, что *неожиданно* ‘указывает на несоответствие положения дел чьим-то ожиданиям или тому, что естественно было бы ожидать’. Ясно, что имеется в виду пропозициональная установка типа мнение, а не акт восприятия, так что говорящий выступает здесь скорее как субъект сознания, чем восприятия. Собственно говоря, *неожиданно* и ведет себя как слово с участником субъект сознания, а не наблюдатель; например, ничуть не аномально сочетание *неожиданно для самого себя*.

Впрочем, наблюдение и осмысление его результатов часто неотделимы одно от другого. Тот, кого мы называем наблюдателем, часто является одновременно субъектом сознания, поскольку эти два предиката могут присутствовать в значении слова одновременно, хотя в разных контекстах в разной пропорции. Пример (из [Падучева 2004: 250]) – глагол *обнаружить*, который в контекстах типа *не обнаруживал признаков жизни* предполагает субъекта восприятия, а в контекстах типа *обнаружил необыкновенную эрудицию* – субъекта сознания. Фраза *Я плохо выгляжу* должна была бы быть неприемлемой, поскольку *выглядеть* предполагает взгляд со стороны; ее спасает, однако, то, что говорящий при *выглядеть* может быть не только субъектом восприятия, но и субъектом знания / мнения.

Теперь понятно, почему глагол *воображать*, толкование которого включает упоминание говорящего, возможен в гипотаксисе и в нарративе. Как и наблюдатель, субъект сознания требует только наличия (в контексте высказывания или в тексте) мыслящего лица и не предполагает других условий каноничности коммуникативной ситуации, например, наличия слушающего. Поэтому его роль могут исполнять в нарративе и гипотаксисе обычные персонажи.

Эгоцентрики с подразумеваемым субъектом сознания обычно эгоцентричны только по умолчанию. Т. е. по умолчанию предполагается эгоцентрическое заполнение валентности субъекта сознания, см. (3.3а); а в принципе, валентность субъекта сознания может иметь и ненулевое заполнение, см. (3.3б):

(3.3) а. Отец *неожиданно* рассердился [в речевом режиме – ‘неожиданно для меня’];
б. рассердился *неожиданно* для всех; рассердился *неожиданно* для самого себя.

В гипотаксисе субъект неожиданности находится, как обычно, в матричном предложении:

(3.4) Мать пишет, что когда отцу прочли наше письмо, он *неожиданно* рассердился [= 'неожиданно для матери'].

По умолчанию предполагают субъект 1 лица слова так называемой категории состояния, типа *больно, весело, видно, возможно, видимо, заметно, интересно, жутко, горестно, досадно, приятно, хорошо, важно, безразлично, любопытно, легко, тошно, неловко, забавно, жарко, душно, обидно, радостно, скучно, грустно, страшно, трудно, ясно, похоже*; *плевать, лень, жаль, жалко, охота, неохота*; возвратные глаголы типа *хочется, придется, остается* и многие другие слова. Так,

(3.5) *Приятно*, что ты мне написал 'it is nice to hear from you' = 'мне приятно'.

Интересно слово *вкусно*, которое предполагает субъекта ощущения, но не имеет в русском языке соответствующей синтаксической валентности (в отличие, скажем, от английского *taste good*: можно сказать *it tastes good to me*).

Класс слов с подразумеваемым субъектом сознания составляют глаголы *объяснить, подтвердить, убедить, показать, оправдать, опровергнуть* в контексте субъекта не-лица [Падучева 1996: 153]. Например, оправдать что-то можно только в чьих-то глазах; поэтому в (3.6) мы ощущаем несобственную прямую речь – высказывание «Мощь государства *оправдывает* все жертвы» делается явно не от лица автора:

(3.6) Чем криминальнее режим, чем нестерпимее гнет, тем он любезнее народу. Мощь государства *оправдывает* все жертвы. Подумаешь, – индивидуальная судьба! (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)).

В НОСС в толковании слова *похожий* фигурирует слово *человек*: он воспринимает объект Y, думает о нем и имеет его образ в сознании. Ясно, что *похожий* имеет эгоцентрическую валентность на субъекта сознания, т. е. предполагает говорящего. Очевидную эгоцентрическую валентность имеет и вводное слово *похоже* (*Он, похоже, расстроился*). Эгоцентрическую по умолчанию валентность на субъекта сознания имеют многие прилагательные – такие как *приемлемый; непостижимый, неразрешимый; важный, главный; непонятный, странный* (примеры даются по материалам Г.И. Кустовой [Кустова 2003]). Глаголы *внушать <жалость>*, *вызывать <раздражение>* могут иметь подразумеваемый родовой (а не индивидуализированный) субъект сознания, например: *Его вид внушает жалость*.

Субъект сознания – не менее важная фигура вторичного дейксиса, чем наблюдатель. Как и наблюдатель, субъект сознания может в нарративе 1 лица не совпадать с говорящим:

(3.7) Меня дома не было. Ваня и Таня сидели на кухне. Было *скучно и одиноко*.

То же самое мы видим в примере (2.8): *вдруг* предполагает субъекта неожиданности (т. е. субъекта сознания); и им являются Ваня и Таня, а не говорящий. Так что субъект сознания вполне аналогичен наблюдателю.

Следует подчеркнуть, что фигуры наблюдателя и субъекта сознания, отличные от говорящего, как в примерах типа (2.8) и (3.7), возможны только в нарративе 1 лица. В остальных контекстах, как канонических, так и неканонических, наблюдатель и субъект сознания реализуются в говорящем или в соответствующих данному контексту его заместителях.

Итак, говорящий является в каноническом контексте подразумеваемым субъектом сознания, т. е. знания и мнения, неопределенности, оценки [Падучева 1985/2009: 141], ощущения сходства и подобия, ожидания и неожиданности [Падучева 1996: 281], интерпретации [Апресян 2004], номинации [Успенский 1970/2000] и прочее. О субъекте сознания в гипотаксическом контексте см. подробнее в разделе 7.

4. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ РЕЧИ

Есть слова и другие языковые единицы, в значение которых говорящий входит именно в роли субъекта речи.

Говорящий в роли субъекта речи входит в семантику речевого акта вопроса (или, можно сказать иначе, в семантику иллюкутивной модальности вопроса). А именно, в вопросе говорящий является субъектом следующих пропозициональных установок²:

‘говорящий не знает ответа’; ‘говорящий предполагает, что адресат знает ответ’; ‘говорящий хочет знать ответ’.

Отсюда следует, что вопрос предъявляет определенные условия к каноничности коммуникативной ситуации: требуется наличие не только говорящего, но и адресата. Так что полномочия субъекта речи в вопросе не могут быть переданы другому лицу с такой же легкостью, как полномочия субъекта восприятия или сознания. Так, в контексте косвенного вопроса вопросительное местоимение становится относительным, т. е. имеет другое значение. В самом деле, в косвенном вопросе пропадает участник адресат.

(4.1) а. *Кто* в Швейцарии президент?

б. Большинство населения Швейцарии не знает, *кто* в стране президент.

Вопрос – известный отдельный раздел теории нарратива [Падучева 1996: 344–346]. Вернемся, однако, к словам.

Говорящий выступает в роли субъекта речи в семантике вводных слов и выражений, имеющих метатекстовое значение (некоторые из них предполагают и слушающего); например, *честно говоря, кстати, признаться сказать, между нами говоря, почему знать*. Они уместны в речевом дискурсе (а также в нарративе 1 лица или в речи повествователя), а в гипотаксическом контексте невозможны:

(4.2) а. *Честно говоря*, этот нож не годится;

б. *Иван считает, что, *честно говоря*, этот нож не годится.

Интересно, что близкий вводный оборот *откровенно говоря* встречается в нарративе 3 лица, и подразумеваемый субъект – это персонаж, который как бы выразил свое мнение во внутренней речи:

(4.3) Сергей Сергеевич нахмурился. *Откровенно говоря*, высказанное женой опасение его самого беспокоило (В. Войнович. *Иванькиада*, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Возможны в гипотаксическом контексте выражения *мягко говоря, грубо говоря, попросту говоря*:

(4.4) Вот он и решил, что, *грубо говоря*, за выбитый зуб обидчик отвечает только одним выбитым зубом (С. Каледин. *Записки гребкопателя* (1987–1999)).

Он понял, что, *мягко говоря*, недомогает.

Она увидела, что ты, *попросту говоря*, счастлив.

В контексте глагола речи возможно и *честно говоря*:

(4.5) Поздоровавшись, я спросил, понравился ли ему фильм. Он ответил, что, *честно говоря*, не очень (О. Трояновский. *Через годы и расстояния* (1997)).

Однако *честное слово* в гипотаксической позиции в (4.6) – это, согласно Анне Вежбицкой, цитата (см. подробнее о цитировании в [Падучева 1996: 354]):

(4.6) Когда он надолго расстается с ними, уезжая куда-нибудь в Шанхай, говорит, что, *честное слово*, скучает (Е. Голованова. *Звон хрустальный* (2002) // «Домовой», 2002.09.04).

² См. [Searle 1969] и последующую обширную литературу по теории речевых актов, в частности [Падучева 1985/2010].

5. ГОВОРЯЩИЙ КАК СУБЪЕКТ ДЕЙКСИСА

Наконец, имеются эгоцентрики, которые предполагают говорящего в момент речи, в месте речи и с синхронным адресатом, т. е. каноническую коммуникативную ситуацию. Это слова, относящиеся к сфере дейксиса, такие как *здесь* и *сейчас*, *сегодня* и *завтра*, *тут* и *там*, *вот* и *вон*, *вот такой* и *вот так*. Многие из них в норме сопровождаются указательным или пояснительным жестом. Что с ними происходит в неканонической ситуации?

В [Апресян 1986/1995] рассматривается пример – предложение (5.1) со словом *сейчас* трактуется как неоднозначное:

(5.1) Он только *сейчас* понял, какой радостью был для него приезд жены.

Понимание 1. Высказывание интерпретируется в речевом режиме (в терминах Апресяна – первичный дейксис), и *сейчас* обозначает время высказывания; у высказывания есть говорящий, отличный от подлежащего 3 лица *он*; описание состояния этого субъекта 3 лица принадлежит говорящему.

Понимание 2. Предложение интерпретируется в нарративном режиме (в терминах Апресяна – вторичный дейксис) как часть повествования, *сейчас* обозначает текущий момент текста; субъект один – он вербализует свое собственное состояние.

Заметим, что такая неоднозначность возможна только для *сейчас* в значении *сейчас-1*. Употребление *сейчас* в значениях *сейчас-2* ‘только что’ и *сейчас-3* ‘вот-вот’ невозможно ни в нарративе, ни в гипотаксисе, см. [Падучева 1996: 273]. Аналогичная разница между словами *сегодня* и *завтра*: слово *сегодня* может употребляться в нарративе в значении, близком к ‘сейчас’, а для *завтра* есть нарративный вариант *назавтра*.

Анафорическое употребление, наряду с дейктическим, допускает и *здесь* (ср. [Апресян 1986/1995]):

(5.2) Только *здесь* он почувствовал себя человеком.

Понимание 1: *здесь* – значит в месте, где находится говорящий, причем *он* ≠ говорящий; в интерпретации участвуют два субъекта.

Понимание 2: *здесь* – в месте, где находится *он*; место должно быть задано анафорически; в интерпретации участвует один субъект.

Ясно, что, употребляясь Говорящий в нарративе, *сейчас* и *здесь* меняют значение – они не идентифицируют времени и места. Говорящий в нарративе 1 лица, как и персонаж в третьеличном, не позволяет осуществить идентификацию, поскольку ситуация не каноническая: нет того одновременного речевого действия, в котором читатель был бы с и н х р о н н ы м адресатом говорящего. Это первичные, т. е. собственно эгоцентрики.

В этом смысле *сейчас* и *здесь* отличаются от *показаться* и *неожиданно*, которым употребление в нарративе не наносит семантического ущерба, поскольку это вторичные (несобственные) эгоцентрики.

Ср. фразу из I главы «Капитанской дочки»:

(5.3) В то время воспитывались мы не *по-нонешнему*.

Описываемые в повести события пугачевского бунта точно датированы; между тем *нонешнее* время датировать нельзя. Даже если бы мы знали, в какие годы Петр Андреевич Гринев писал свои записки, это не спасло бы дело. Слово *нонешний* требует адресата, синхронного говорящему, и употреблено не нормативно. Это вкрапление в нарратив неинтерпретируемого первичного дейксиса – примечательный тонкий прием.

В гипотаксическом контексте дейктические слова ведут себя иначе, чем слова с говорящим в роли субъекта восприятия и сознания. Рассмотрим слово *сегодня*:

(5.4) Иван сказал, что он *сегодня* занят.

Несмотря на гипотаксический контекст, *сегодня* интерпретируется, скорее всего, относительно говорящего, а не матричного субъекта: возможно, в реальной ситуации

было так, что Иван вчера сказал, что он завтра будет занят, а говорящий перевел это на свой язык – интерпретация *de re*. Ничего похожего на поведение слов, у которых говорящий выступает в роли субъекта восприятия или сознания и которые поддаются гипотактической проекции. Понять (5.5) так, чтобы *сегодня* значило ‘вчера’, практически невозможно – *сегодня* может быть ориентировано только на говорящего:

(5.5) Иван вчера сказал, что он *сегодня* занят.

6. РОЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ. ПРАВИЛА ПРОЕКЦИИ

Дж. Лайонз [Lyons 1977: 579] предлагает некоторый общий принцип построения правил выявления исполнителя роли говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях. Они называются правилами проекции.

Вторичные эгоцентрики могут употребляться в канонической коммуникативной ситуации, и тогда исполнителем их эгоцентрической роли является говорящее лицо, как в примере (2.1). Но они могут употребляться, не меняя значения, и в неканоническом контексте; их интерпретация определяется в этом случае правилами проекции.

Проекция (дейктическая, гипотактическая, нарративная, вопросительная) – это изменение интерпретации (по сравнению с исходным правилом для канонической ситуации), в результате которого у эгоцентрической роли, предполагаемой семантикой слова, исполнителем оказывается не говорящий, а какое-то другое лицо. (См. в [Goddard 1998: 206–211] использование правил проекции при описании англ. глагола *to come*.)

Одно из правил Лайонза называется правилом дейктической проекции. Это случай, когда эгоцентрик, нормально ориентированный на говорящего, ориентируется на слушающего. Такая проекция происходит в вопросе – исполнителем роли наблюдателя при *показаться* оказывается не говорящий, а слушающий:

(6.1) а. – На дороге *показался* всадник <в моем поле зрения>
б. – Ну что, он так и не *показался*? <в твоём поле зрения>

Смена ориентации семантически предсказуема: ясно, что вопрос про свое поле зрения был бы бессмысленным.

Обратное соотношение между подразумеваемым лицом субъекта в вопросе и в ответе возникает в контексте деонтической модальности, в вопросе – говорящий, в ответе – слушающий:

(6.2) – *Можно* <мне>? – *Можно* <тебе>.

В разделах 2 и 3 было продемонстрировано правило гипотактической проекции – оно иллюстрировалось примерами (2.4), (3.2), (3.4). Правило состоит в том, что если глагол с валентностью на говорящего входит в подчиненную клаузу, то исполнителем роли говорящего становится субъект матричного предложения. Исключения обычно семантически объяснимы. Так, в (2.5) *Иван* не может быть субъектом наблюдения, поскольку является субъектом принципиально иной пропозициональной установки.

Изменение исполнителя роли говорящего в нарративе можно представить как нарративную проекцию. В нарративном контексте понять, кем именно заполняется валентность наблюдателя или субъекта сознания (т. е. кто исполнитель этой роли), можно обычно только из широкого контекста. В примере (6.3) слово *неожиданно* требует субъекта сознания; а слова *кончился* <лес> и *начались* <болота> предполагают идущего – очевидно, он и является субъектом сознания для *неожиданно*:

(6.3) За озером местность *неожиданно* изменилась – хвойный лес кончился, начались болота (В. Быков. Болото (2001)).

Предположительно, гипотактическая и нарративная проекция возможны для всех вторичных эгоцентриков.

7. ТОЛКОВАНИЕ СЛОВ С ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ

Итак, выделяется некоторый круг слов с эгоцентрической валентностью – такой, которую в канонической ситуации заполняет говорящий. Что можно сказать про интерпретацию эгоцентрических слов в неканонических ситуациях? О говорящем как субъекте восприятия шла речь в разделе 2, о субъекте речи и дейксиса – в разделах 4, 5. Вернемся к говорящему как субъекту сознания. Примеры толкований, в основном, взяты из [НОСС].

Пример 1. Глаголы интерпретации. Глаголу *ошибаться* дается в [Апресян 2004] следующее толкование:

- (7.1) X *ошибается*, думая P = 1) X думает, что P; 2) говорящий считает или знает, что не P; 3) говорящий считает, что X думает так потому, что не знает фактов или не понимает их.

Глагол *ошибаться* подразумевает говорящего как субъекта сознания. Когда глагол употребляется в гипотаксическом контексте, имеет место гипотаксическая проекция. Так, в (7.2а), в канонической коммуникативной ситуации, подразумеваемый говорящий считает или знает, что не P, а в (7.2б) субъектом оценки является не говорящий, а Мария:

- (7.2) а. Иван *ошибается* \supset 'говорящий считает, что не P';
б. Мария уверена, что Иван *ошибается* \supset 'Мария считает, что не P'.

Интерес представляет пример (7.3), где подлежащее глагола *ошибаться* – 1 лицо:

- (7.3) Впрочем, я очень мало знаю Вену и, быть может, *ошибаюсь*, воображая ее зиму холодной (П. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк (1882)).

В этом случае применение толкования состоит в том, что на место субъекта X подставляется тот же говорящий:

- 1) говорящий думает, что P, но 2) допускает, что, быть может, не P; 3) говорящий допускает, что он думает так потому, что не знает фактов или не понимает их.

В самом деле, (7.3) \approx 'я представляю себе зиму в Вене холодной; но, быть может, это не так'. В этой модификации два противоречащих друг другу мнения (P и не-P) принадлежат одному лицу – говорящему. Но противоречие не приводит к аномалии, поскольку эти мнения разделены «загородкой» (hedge) *быть может*. А без загородки глагол *ошибаться* и не может иметь субъект 1 лица.

Пример 2. Глагол *придираться*. Ему можно дать, учитывая [МАС] и [НОСС], следующее толкование:

- X *придирается* к Y-у = 'X использовал некоторый факт как повод для выражения недовольства Y-м; говорящий считает, что факт незначительный и что недовольство X-а необоснованное или избыточное'.

Опять-таки, здесь говорящий – субъект сознания, и исполнитель его роли в гипотаксическом контексте определяется правилом гипотаксической проекции:

- (7.4) а. Начальство к Васе *придирается* [речевой режим; субъект сознания – говорящий];
б. Вася считает, что начальство к нему *придирается* [гипотаксический режим; субъект сознания – подлежащее матричного предложения].

В (7.5) роль субъекта сознания при *придираться* тоже исполняет, прежде всего, говорящий, но анафора создает гипотаксический контекст, который вовлекает в интерпретацию *слепой* и *мы*; они становятся субъектами сознания по тому же правилу гипотаксической проекции:

- (7.5) Арношка *придирается* к тебе, это и слепой увидит, мы подтвердим это, даю тебе слово (Л. Чарская. Вторая Нина (1909)).

Пример 3. Глагол *мочь* в значении эпистемической возможности. Об эпистемической возможности говорят тогда, когда рассматриваются разные возможные состояния мира, и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место. Так что субъектом эпистемической возможности в канонической коммуникативной ситуации является говорящий:

(7.6) Наш лом *мог* ударить и в камень (А. Солженицын. В круге первом, т. 1 (1968)).

(7.7) Правда, и соображения здравого смысла также были не на их стороне, но ведь и здравый смысл *мог* оказаться с изъяном (В. Быков. Камень (2002)).

(7.8) Газету *могло сколкать*, ветром в кучу собрать, дождями вымочить, либо собаки, либо скотина рылом ее смяла... (В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Очевидно, субъектом эпистемической возможности является говорящий в роли субъекта сознания. Поэтому возможна гипотаксическая проекция – в (7.9) субъектом эпистемической возможности является не говорящий, а подлежащее матричного предложения:

(7.9) Ирина вдруг поняла, что Сашу *могли съечь* вместе с палаткой или отстрелить в подъезде (В. Токарева. Своя правда (2002)).

Подразумеваемым субъектом деонтической возможности (разрешения) может быть говорящий, как в (7.10), но не только говорящий, см. (7.11):

(7.10) *Можете* идти.

(7.11) Просто человеку предлагается свобода выбора, и каждый *может* выбрать то, что ему ближе (Конфликт цивилизаций (миф или реальность) (2006)).

Пример 4 (из [Апресян В. 2004]). Синонимическому ряду, включающему *хотя бы* и *хоть*, дается в [НОСС] толкование с участием говорящего:

хотя бы Р = 'говорящий понимает, что иметь желаемое невозможно, и готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно'.

Однако в примерах из (7.12) смысл *хотя бы*, *хоть* не требует обращения к говорящему:

(7.12) а. Маша хотела взглянуть на героя *хотя бы* издали.

б. Кэт решила поспать *хотя бы* полчаса.

в. Маша просит, чтобы ты ей *хотя бы* позвонил.

г. Шофер вел машину медленно, чтобы солдаты *хоть* немного отдохнули.

Заменив в толковании из [НОСС] «говорящий» на «человек Х», мы получим:

хотя бы Р = 'человек Х понимает, что иметь желаемое Р' невозможно, и готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно'.

В этом толковании два компонента: желание человека Х что-то иметь (в частности, это может быть желание, чтобы человек Y имел нечто или сделал что-то, нужное X-у) и готовность того же человека Х иметь меньшее. В обоих компонентах Х может быть произвольным лицом. Легко проверить, что это толкование дает правильную интерпретацию примерам (7.12а)–(7.12б).

В частности, разумеется, лицо Х может быть и говорящим. Например:

(7.13) Хорошо, что Маша *хоть* раз в год приезжает в Москву = 'говорящий понимает, что не может иметь желаемое им Р' (чтобы Маша приезжала часто), и готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно (чтобы Маша приезжала раз в год)'.

Подчеркнем, что в (7.13) субъектом «уступительности» является только говорящий: это он готов довольствоваться тем, что есть, понимая, что не может рассчитывать на большее. Про Машу мы ничего не знаем. Возможно, Маша вовсе не довольна тем, что приезжает так редко. А может быть и так, что она не считает более частые приезды в Москву желательными.

В чем же дело с примерами (7.12а)–(7.12г)? Неужели говорящий включен в толкование *хотя бы* напрасно? Конечно, нет. Дело в том, что *хотя бы* употребляется в этих примерах в гипотаксическом контексте, где говорящего о бы ч но заменяет субъект матричного предложения. Так что описание в [НОСС], которое приписывает *хотя бы* эгоцентрическую валентность, выдерживает проверку на адекватность, а гипотаксическая проекция получает подтверждение на новом материале: *хотя бы* относится к тем словам, которые должны находиться в сфере действия того или иного предиката пропозициональной установки, см. о таких словах [Падучева 1985/2009: 141, 142].

Отдельного внимания требует пример (7.14). Здесь два субъекта сознания – Маша и говорящий:

(7.14) Хорошо, что Маше удается *хоть* раз в год приезжать в Москву.

Чтобы предложение было нормальным, два сознания должны быть согласованы – говорящий должен эмпатизировать эксплицитному субъекту (что отмечено в [НОСС]), иначе возникает аномалия:

(7.15) *Жаль, что Маше *хоть* раз в год удается приезжать в Москву.

Так что в предложениях с *хотя бы* и *хоть* могут фигурировать и два сознания, но, в отличие от случая с *ошибаться*, они не должны противоречить одно другому – иначе мы получим знаменитую ситуацию, когда гостям говорят: «Как жаль, что вы, наконец, уходите».

Пример 5. Словам *вряд ли* и *едва ли* дается в [Григорьева 2004] толкование, состоящее из двух компонентов – в обоих говорящий является субъектом сознания:

вряд ли / *едва ли* Р = ‘говорящий допускает, что Р возможно’ и ‘говорящий считает более вероятным не-Р’.

В канонической ситуации валентность говорящего заполняет эгоцентрический нуль:

Едва ли он вернется.

А в гипотаксисе, в соответствии с ожиданиями, в обоих компонентах говорящего замещает субъект матричного предложения (подчеркнут предикат матричного предложения):

Дверь она не закрывала, рассудив, что *едва ли* Колька носит с собой два комплекта ключей (О. Некрасова. Платит последний (2000));

Ветеран заявил, что он был польщен мнением министерства о его физическом состоянии, однако считает, что *едва ли* сможет быть полезен во время войны в Ираке (Послужишь, дедушка? (2003) // «Военный вестник Юга России»);

Почти все говорили или намекали мне, что *вряд ли* он оставит семью (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004));

Остается предположить, что *вряд ли* это будет последний вариант... (Г. Ильичев и др. Партком «Белый дом» (2003) // «Известия»).

Из легкости такого сдвига должно было бы следовать, что *вряд ли* и *едва ли* – вторичные (несобственные) эгоцентрики, и в нарративе их подразумеваемым субъектом будет персонаж. Между тем это предположение не оправдывается. Чаще всего *вряд ли* и *едва ли* встречаются в нарративе 1 лица, а в нарративе 3 лица имеют подразумеваемым субъектом повествователя:

Библиотекарь привычно заботился о своем богатстве – оберегал от пыли и сырости, от крыс и пожаров. Из-за этих забот он ряд лет не видел божьего света и *вряд ли* смог бы сразу ответить, какая пора на дворе (В. Быков. Главный кригсман (2002)).

Возможно, дело в том, что для слов *вряд ли* и *едва ли* естественно такое употребление, когда два компонента толкования (слегка противоречащие один другому) принадлежат не одному говорящему, а распределяются между говорящим и слушающим или функционируют как диалог говорящего с самим собой:

Может быть, когда-нибудь, в глубокой старости, снизойдет на меня мудрость. Но *вряд ли*. Сегодняшние старики редко бывают мудрыми (И. Грекова. Перелом (1987)).

Это дает возможное объяснение отмечаемой в [НОСС] склонности *вряд ли* и *едва ли* к диалогическому контексту. Показательно, что краткая ответная реплика, содержащая *вряд ли*, *едва ли*, обычно начинается с *нет*:

Она, конечно, непредсказуемая... со странностями, прямо скажем... Но шантаж... Нет, это, пожалуй, *вряд ли* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000));

Может, ты в себе будущего Репина загубишь. – Да нет, *едва ли* (В. Каверин. Два капитана (1938–1944)).

Пример 6. Проекция пресуппозиций. Можно думать, что слова с пресуппозициями – это эгоцентрики, исходя из того, что пресуппозиция – это семантический компонент вида ‘говорящий знает, что...’ [Падучева 2004: 257]. К возможности проекции разные пресуппозиции относятся по-разному. Например, пресуппозиция слова *даже* поддается гипотаксической проекции:

Даже Иван с трудом решил эту задачу [говорящий ставит Ивана в высокую точку на шкале решателей];

Иван удивился, что *даже* он с трудом решил эту задачу [Иван ставит в высокую точку на шкале решателей сам себя].

Гипотаксическая проекция фактивной пресуппозиции (скажем, глагола *сожалеть*) требует особого рассмотрения.

8. ИМПЛИЦИТНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВВОДНОГО *КАЖЕТСЯ*

Говоря об имплицитных субъектах вводных слов, следует обратить внимание на употребление *кажется* в сослагательном наклонении – *казалось бы*:

(8.1) Володя приехал возмущенный: он просил представителей фирмы «Ямаха» подарить Жене рояль. *Казалось бы*, что им стоило! Но они ограничились какой-то электронной клавиатурой (С. Спивакова. Не все (2002)).

Если у обычного *кажется* подразумеваемый субъект – говорящий, то сослагательное наклонение подключает к делу второго участника речевой ситуации: говорящий приглашает слушающего разделить с ним его точку зрения. Так что *казалось бы* выражает мнение, которое говорящий предполагает общим у него и у слушателя (дейктическая проекция).

В значении ‘казалось бы’ может употребляться простое *кажется*. Так, можно думать, *кажется* в значении ‘казалось бы’ употребляет пушкинская Татьяна:

(8.2) Онегин, я тогда моложе, я лучше, *кажется*, была.

Пример (8.3) показывает, что на базе сослагательного понимания *кажется* возникает косвенный речевой акт (подобными примерами я обязана Е.Э. Разлоговой):

(8.3) Я, *кажется*, русским языком говорю!

Тут у говорящего нет неуверенности относительно языка, на котором он говорит. Его иллюкутивная цель – выяснить, почему слушатель ведет себя так, **как если бы** ему это было неясно; точнее, высказать **адресату** свое раздражение по этому поводу.

9. ИМПЛИЦИТНЫЕ СУБЪЕКТЫ ВВОДНОГО *ОКАЗЫВАЕТСЯ*

Значение вводного *оказывается* в канонической ситуации:

оказывается Р = а) X узнал, что Р; б) X удивляется, что Р.

Допустимо употребление *оказывается*, когда оно вводит несобственную прямую речь. Тогда Р – это то, что сказал говорящему некий Y, причем говорящий не рассмат-

ривает информацию Р как свое знание; в его сознании Р – всего лишь мнение лица У, которое вызывает у него недоумение или отстраненность.

(9.1) Мама все время пытается воспитывать его на моем положительном примере. Всякий раз, когда мы собираемся за столом всей семьей, она начинает курить мне фимиами. *Оказывается*, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве (В. Аксенов. Звездный билет (1961)).

Особенность этого употребления *оказывается* в том, что его ассоциированная пропозиция является мнением не говорящего, а другого лица; говорящий является лишь субъектом недоумения по этому поводу.

Другой пример:

(9.2) Но меня и без политики схарчить раз десять хотели. Хорошо еще, что я беспартийный, – то пьяницу мне пришьют, то, *оказывается*, я бабник (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)).

В (9.3) дело не в том, что говорящий не принимает полученную информацию как знание, а в том, что она для него не столь существенна, как для другого лица:

(9.3) Визит преподобного взволновал всю больницу. *Оказывается*, в наших краях есть священники! И они исповедуют желающих! В самой большой палате больничной <...> говорили только об исповеди тети Поли (В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)).

Итак, заключение. Рассмотрены некоторые классы слов с эгоцентрической валентностью, т. е. с валентностью, которая заполняется в канонической коммуникативной ситуации по смыслу – говорящим, а по форме – нулем. Найдено общее правило, которое позволяет находить исполнителя роли подразумеваемого говорящего в гипотаксическом контексте – гипотаксическая проекция.

Существенно, что проекция возможна только для вторичных эгоцентриков. На однозначно дейктических словах, первичных эгоцентриках, таких как *сегодня*, гипотаксическая проекция не работает: во фразе *Он вчера сказал, что сегодня занят* слово *сегодня* никак не может значить ‘вчера’: *сегодня* ориентировано на настоящее время говорящего, но не субъекта пропозициональной установки.

Наше исследование показало, что различаются два понятия: имплицитный говорящий (в той или иной из своих ролей) как фигурант толкования и говорящий как участник конкретного речевого акта, который в канонической коммуникативной ситуации персонифицирует имплицитного говорящего.

Имплицитные актанты, которые требуются смыслом слова, но не имеют поверхностного выражения, рассматриваются и обосновываются в работах, написанных в рамках формальной (теоретико-модельной) семантики, см. [Partee 1989; Condoravdi, Gawron 1996; Lasersohn 2005] и др. Так что трактовка субъективности, в основе которой лежит понятие имплицитного эгоцентрического актанта, позволяет включить исследуемую проблематику в более широкий теоретический контекст*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. *Апресян*. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980.
- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. (Перепечатано в: Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995).
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русск. яз. в науч. освещ. 2004. Т. 1 (7).

* Автор благодарен Барбаре Парти, Б.А. Успенскому, В.Б. Борщеву, Анне А. Зализняк, Д.О. Добровольскому, М.В. Филипенко, с которыми он имел возможность обсуждать начальные версии этой работы.

- Апресян В. 2004 – по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Се-ливерстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Григорьева 2004 – С.А. Григорьева. Вряд ли, едва ли и др. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Кустова 2003 – Г.И. Кустова. Семантические модели иерархизации и интерпретации в непредметной сфере (на примере прилагательных *важный* и *серьезный*) // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Левонтина 2004 – И.Б. Левонтина. неожиданно, вдруг и др. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / А.П. Евгеньева (ред.). М., 1981.
- Мещерякова 2005 – Е.М. Мещерякова. Фигура наблюдателя в семантике грамматики (на материале видо-временных форм русского глагола) // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru>.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Падучева 1985/2009 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985; 6-е изд. М., 2009.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Успенский 1970/2000 – Б.А. Успенский. Поэтика композиции. 3-е изд. СПб., 2000.
- Фреге 1977 – Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Condoravdi, Gawron 1996 – С. Condoravdi, J.M. Gawron. The context-dependency of implicit arguments // M. Kanazawa, Ch. Piñon, H. de Swart (eds.). Quantifiers, deduction, and context. 1–32. Stanford, 1996.
- Fillmore 1975 – Ch.J. Fillmore. Santa Cruz lectures on deixis. Reproduced by the Indiana university linguistic club. Bloomington (Indiana), 1975.
- Goddard 1998 – C. Goddard. Semantic analysis: A practical introduction. Oxford, 1998.
- Jakobson 1957/1972 – R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.), 1957. (Русский перевод: Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // О.Г. Ревзина (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.)
- Lasersohn 2005 – P. Lasersohn. Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // LaPh. 2005. 28.
- Lyons 1977 – J. Lyons. Semantics. V. 1–2. Cambridge, 1977.
- Partee 1989 – B. Partee. Binding implicit variables in quantified contexts // C. Wiltshire, B. Music, R. Graczyk (eds.). Papers from the Twenty Fifth meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1989.
- Searle 1969 – J.R. Searle. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.
- Stephenson 2007 – T. Stephenson. Judge dependence, epistemic modals and predicates of personal taste // LaPh. 2007. 30.
- Wierzbicka 1980 – A. Wierzbicka. Lingua mentalis. Sydney, 1980.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Падучева
 ВИНТИ РАН
 elena.paducheva@yandex.ru